

·thebigbook·

Собиратели ракушек

•

Возвращение домой

•

Сентябрь

•

Под знаком Близнецов

•

Дикий горный тимьян

•

Карусель

•

В канун Рождества

•

Голоса лета

•

Штормовой день

•

Начать сначала

•

Конец лета

•

Пустой дом

•

Снег в апреле

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

СНЕГ В АПРЕЛЕ

Санкт-Петербург

Окутанная благоухающим паром, Кэролайн Клайберн неподвижно лежала в ванне и слушала радио. Ванная комната, как, впрочем, и все помещения в этом большом доме, была очень просторной. Когда-то она служила гардеробной, но Дайана в один прекрасный день решила, что гардеробными больше никто не пользуется, приказала все отсюда вынести, наняла водопроводчиков и плотников, отделала помещение розовой керамической плиткой, постелила на пол толстый белый ковер и повесила на окна ситцевые занавески до пола. Здесь стоял низенький столик со стеклянной столешницей, на которой располагались ароматические соли для ванны, журналы и большие овальные куски розового мыла, пахнущего, естественно, розами. Розы цвели и на французских махровых полотенцах, и на коврике возле ванны, где сейчас покоились халат и тапочки Кэролайн, маленький радиоприемник

и книжка, которую она начала было читать, но потом отложила.

Из радиоприемника звучал вальс. Скрипки нежно вздыхали «раз-два-три, раз-два-три», вызывая в воображении картины украшенных пальмами танцевальных залов с кавалерами в белых перчатках и пожилыми дамами, сидящими в позолоченных креслах и одобрительно кивающими в такт приятной мелодии.

«А я буду в новом брючном костюме», — подумала Кэролайн. Но тут же вспомнила, что на пиджаке оторвалась позолоченная пуговица и, скорее всего, потерялась. Конечно, можно ее поискать, взять иголку с ниткой и снова пришить. Вся процедура займет не более пяти минут... но гораздо проще ничего этого не делать. И надеть длинное бирюзовое платье в восточном стиле или платье миди из черного бархата — Хью говорил, что в этом наряде она похожа на Алису в Стране чудес.

Вода уже подостыла. Большим пальцем ноги Кэролайн повернула кран с горячей водой и сказала себе, что выйдет из ванны в половине восьмого, обсушится полотенцем, накрасится и спустится вниз. Опоздает, конечно, но это не важно. Все будут ждать ее, рассевшись вокруг камина: Хью в бархатном смокинге (который ей не нравился, хотя она это скрывала) и Шон, затянутый в свой алый пояс. Холдейны тоже там будут: Элейн, допивающая вто-

рую порцию мартини, и Паркер с его многозначительным взглядом — и почетные гости из Канады, партнеры Шона по бизнесу, мистер и миссис Гримандалл, кажется. А потом, выдержав приличествующую ситуации паузу, все двинутся к обеденному столу, где их будет ждать черепаховый суп и рагу из бобов с мясом, над которым целое утро колдовала Дайана, а также великолепный пылающий пудинг, который внесут в столовую под ахи и охи присутствующих и восклицания: «Дайана, как тебе это удается?»

Мысль о еде, как обычно, вызвала у Кэролайн тошноту. Странно, конечно. Несварение желудка — удел стариков, обжор и, возможно, беременных женщин, а Кэролайн в свои двадцать лет не входила ни в одну из этих категорий. Нет, ей не становилось плохо в прямом смысле слова, но и ничего хорошего она не ощущала. Наверное, перед следующим вторником — впрочем, нет, лучше после следующего вторника — придется навеститься к врачу. Кэролайн представила себе, как будет все это объяснять: «Я скоро выхожу замуж, и меня почему-то постоянно тошнит». Она отчетливо видела перед собой улыбку доктора, отеческую и понимающую: «Предсвадебные заботы, переживания, это совершенно естественно... выпишу-ка я вам успокоительное...»

Звуки вальса отзвучали, сменившись голосом диктора с выпуском новостей в семь тридцать. Кэролайн вздохнула и села, вынула пробку из сливного отверстия, подавив соблазн еще немного потянуть время, и выбралась из ванны на коврик. Выключила радио, кое-как вытерлась, накинула халатик и, оставляя на белом ковре влажные следы, прошла в спальню. Усевшись перед изогнутым туалетным столиком, она сняла шапочку для купания и без особого энтузиазма оглядела свое тройное изображение в зеркалах. Длинные и прямые молочно-белые волосы обрамляли ее лицо, как две шелковые кисти. Лицо это нельзя было назвать красивым в общепринятом смысле слова: скулы слишком высокие, нос короткий, рот широкий. Кэролайн знала, что может выглядеть как красоткой, так и уродиной, и только широко поставленные темно-карие глаза с длинными густыми ресницами оставались всегда прекрасными, даже теперь, когда ей казалось, что она совершенно разбита.

(Ей припомнилось, как Дреннан сказал однажды, давным-давно, обхватив ее голову ладонями и повернув к себе ее лицо: «Как так получается, что улыбка у тебя мальчишеская, а глаза женские? Причем глаза женщины, которая влюблена?» Они сидели на передних сиденьях его машины, на улице было темно и шел дождь. Кэролайн помнила звук дождя,

барабанившего по крыше, тиканье автомобильных часов, ощущение ладони, обхватившей ее подбородок, но это было все равно что вспомнить эпизод из книги или фильма, эпизод, которому она была лишь свидетельницей, но сама в нем не участвовала. Словно вовсе не с ней это происходило, а с кем-то другим.)

Она схватила щетку для волос, зачесала волосы назад, стянула их резинкой и начала накладывать макияж. В самый разгар этого занятия в коридоре послышались приглушенные толстым ковром шаги, затихшие возле ее двери. В дверь легонько постучали.

— Кто там?

— Можно войти? — послышался голос Дайаны.

— Конечно, — отозвалась Кэролайн.

Ее мачеха была уже одета в белое с золотом платье; пепельно-русые волосы, уложенные в ракушку, она закрепила золотой заколкой. Дайана выглядела, как всегда, безукоризненно: стройная, высокая, ухоженная. Голубизну глаз, из-за которых ее частенько принимали за скандинавку, подчеркивал загар, полученный благодаря регулярным посещениям солярия. Эта женщина обладала счастливой способностью выглядеть одинаково прекрасно и в лыжном костюме, и в твиде, и в сегодняшнем наряде, предназначенном для официального приема.

— Кэролайн, да ты совсем не готова!

Кэролайн взяла щеточку для ресниц и принялась ею манипулировать.

— Почему же, наполовину уже готова. Ты ведь знаешь, для меня главное — начать, а там все пойдет быстро. Пожалуй, это единственная полезная для жизни вещь, которой я научилась в театральной школе, — прибавила она. — Наносить макияж ровно за одну минуту.

Она тут же пожалела об этих опрометчиво сказанных словах. В разговорах с Дайаной театральная школа была запретной темой, при одном упоминании о ней мачеха обычно сразу оцетинивалась.

— В таком случае можно считать, что два года, которые ты в ней провела, потрачены не зря, — холодно произнесла Дайана и, не дождавшись от прикусившей язык Кэролайн никакой реакции, продолжила: — Впрочем, торопиться не стоит. Хью здесь, Шон сейчас угощает его напитками, а вот Ландстромы немного опоздают. Она звонила из Коннахта и сказала, что Джона задержали на конференции.

— Ландстромы? Что-то я не помню этого имени. Я всегда звала их Гримандаллами.

— Как тебе не стыдно! Ты с ними даже не знакома.

— А ты?

— Знакома и считаю, что они чудесные люди.

Дайана начала демонстративно наводить в спальне порядок: поставила парами разбро-

санную обувь, сложила свитер, подобрала валяющееся посреди комнаты на полу влажное полотенце, аккуратно сложила его и отнесла в ванную. Судя по звукам, доносившимся оттуда, она ополоснула ванну, потом открыла и снова закрыла дверцу зеркального шкафчика, чтобы поставить на место баночку с увлажняющим кремом, которую сначала закрыла крышкой.

— Дайана, а чем занимается мистер Ландстром? — спросила Кэролайн, повысив голос.

— Что? — переспросила Дайана, появившись в дверях, и Кэролайн повторила вопрос.

— Он банкир.

— И участвует в новой сделке Шона?

— Более того, он ее субсидирует. Поэтому и приехал, чтобы окончательно обсудить последние детали.

— То есть нам всем надо постараться вести себя хорошо и непременно его обаять.

Кэролайн встала, сбросила на пол халат и в чем мать родила пошла искать, что бы ей надеть.

Дайана присела на край кровати:

— Неужели для тебя это так трудно?.. Кэролайн, до чего же ты худущая. Кожа да кости. Тебе обязательно надо хоть немного поправиться.

— Я нормальная, — отозвалась Кэролайн. Она достала из переполненного ящика труси-

ки и лифчик и принялась их надевать. — Такая уж я уродилась.

— Чепуха. Вон у тебя все ребра торчат. Ты почти ничего не ешь, только вид делаешь. Даже Шон это заметил на днях, а ты ведь знаешь, какой он невнимательный.

Кэролайн натянула колготки.

— И лицо у тебя совсем бледное. Я сразу заметила, как только вошла. Боюсь, тебе надо начать принимать железо.

— Ну да, чтобы зубы почернели?

— Где ты наслушалась этих бабских сплетен?

— Наверное, моя бледность как-то связана со свадьбой. Точнее, с необходимостью написать сто сорок три благодарственных письма.

— Не будь такой циничной... Кстати, звонила Роуз Кинтайр, спрашивала, что тебе подарить. Я предложила бокалы, которые ты видела на Слоун-стрит, помнишь, там еще гравировка с инициалами? А что ты сегодня наденешь?

Кэролайн открыла платяной шкаф и достала первое попавшееся под руку платье — из черного бархата.

— Это пойдет?

— Да. Я очень люблю это платье. Но к нему придется надеть черные чулки.

Кэролайн повесила платье обратно и взяла то, что висело рядом.

— А это?

К счастью, это оказался не брючный костюм, а платье в восточном стиле.

— Да. Оно очаровательное. Особенно с золотыми серьгами.

— Я свои потеряла.

— Ох, неужели те, что подарил тебе Хью?

— На самом деле не потеряла, просто куда-то сунула и не помню куда. Не волнуйся. — Она набросила на себя через голову легкий как пух бирюзовый шелк. — И вообще, серьги на мне не смотрятся, если волосы не уложены.

Кэролайн принялась застегивать крохотные пуговички.

— А что Джоди? Где он будет ужинать? — спросила она.

— С Кэти в подвальчике. Я предложила ему ужинать с нами, но он захотел посмотреть по телевизору вестерн.

Кэролайн распустила волосы и гладко их причесала.

— Он сейчас там? — спросила она.

— Думаю, да.

Кэролайн побрызгала на себя духами из первого попавшегося пузырька.

— Если ты не против, я сначала спущусь вниз и пожелаю ему доброй ночи.

— Только не задерживайся. Ландстромы явятся минут через десять.

— Нет, я скоро.

Они вместе вышли на лестницу, и, когда начали спускаться в вестибюль, отворилась дверь в гостиную и появился Шон Карпентер с емкостью для льда в форме яблока, с крышкой, из которой торчал позолоченный яблочный черенок вместо ручки. Шон поднял голову и увидел спускающихся дам.

— У нас закончился лед, — объяснил он.

Потом еще раз окинул их взглядом, на этот раз изумленным, словно увидел перед собой совершенное чудо, и замер посреди вестибюля, наблюдая, как они сходят вниз по ступеням.

— Ну разве вы обе не прекрасны? Боже мой, какая пара роскошных женщин!

Для Дайаны Шон был мужем, а для Кэрлайн... она называла его по-разному. Мужем своей приемной матери. Или двоюродным отчимом. А то и попросту Шоном.

С Дайаной они были женаты три года, но, как любил рассказывать Шон, он стал ее воздыхателем гораздо раньше.

«Я познакомился с ней давным-давно, — говаривал он не раз. — И был уверен, что у меня все схвачено, а тут вдруг она отправляется куда-то в Грецию прикупить недвижимость. Не успел я и глазом моргнуть, как она пишет, что познакомилась с невесть откуда взявшимся архитектором по имени Джеральд Клайберн и тут же выскочила за него замуж. За душой у него ни гроша, детишки от прежнего брака,

и сам — страшная богема. Меня как громом сразило».

Однако он Дайану не забыл и, будучи по природе человеком успешным, с равным успехом исполнял роль заядлого холостяка, человека зрелого, умудренного опытом, которого рада была видеть у себя любая хозяйка богатого дома в Лондоне и ежедневник которого был заполнен приглашениями на месяцы вперед.

Его холостяцкое существование было столь замечательным, столь прекрасно организованным и приятным, что, когда Дайана Клайберн овдовела и с двумя чужими детьми на руках вернулась в Лондон, в свой старый лондонский дом, восстановила прежние связи и начала жизнь заново, по городу пошли разговоры о том, как в нынешних обстоятельствах поведет себя Шон Карпентер. Насколько глубоко он погрузился в рутину привычной и удобной холостяцкой жизни? Неужели — пусть даже ради Дайаны — он пожертвует своей независимостью и удовлетворится серой жизнью обыкновенного семейного человека? Судя по слухам, многие в этом сильно сомневались.

Но во всех этих сплетнях не принималась в расчет сама Дайана. Из Греции она вернулась еще более прекрасной и как никогда желанной для него. Теперь ей было тридцать два года, и она находилась в самом расцвете своего женского очарования. Шон, осторожно вос-

становивший с ней дружеские отношения, был окончательно сражен в считанные дни. Не прошло и недели, как он предложил ей руку и сердце и повторял свое предложение регулярно каждые семь дней, пока наконец неприступная крепость не сдалась.

Первым делом Дайана настояла на том, чтобы он сам сообщил эту новость Кэролайн и Джоди.

«Отец из меня, конечно, никакой, — говорил он, расхаживая перед ними по ковру гостиной и чувствуя, как его прошибает пот под их ясными и на удивление одинаковыми взглядами. — Я просто не знаю, что это такое и с чем это едят. Но я бы хотел, чтобы вы чувствовали и знали, что всегда можете на меня рассчитывать как на близкого друга и, возможно, поверенного в сложных финансовых вопросах... в конце концов, это ваш дом... и я бы хотел, чтобы вы чувствовали...»

Он продолжал в том же духе, проклиная Дайану за то, что она поставила его в столь щекотливое положение, и желая, чтобы все шло своим чередом и чтобы его отношения с Кэролайн и Джоди развивались естественно и неспешно. Но Дайана была по натуре женщина нетерпеливая, она всегда и во всем хотела определенности и ясности.

Джоди и Кэролайн с глубоким сочувствием наблюдали за Шоном, однако ничего не гово-

рили и ничего не пытались делать, чтобы помочь ему выпутаться. Шон Карпендер им нравился, но чистыми глазами юных существ они не могли не видеть, что он уже под каблуком у Дайаны. Он витиевато рассуждал о том, что дом на Милтон-Гарденс — это их дом, в то время как настоящим домом для них был и всегда будет белый, как сахарная голова, куб, высоко вознесшийся над лазурной синевой Эгейского моря. Но все это уже позади, все это бесследно кануло в глубинах суматошного прошлого. Что собирается делать Дайана и кого она выбрала себе в мужья, их не касалось. Впрочем, если ей так уж приспичило выходить замуж, они были рады, что ее избранником оказался большой и добрый Шон.

И вот теперь, когда Кэролайн проходила мимо него, он учтиво, церемонно и немного неуклюже сделал шаг в сторону, держа чашу для льда как некое подношение. От него пахло шампанским брют и свежестью чистого белья, и Кэролайн вспомнила вечно заросший щетиной подбородок отца и синие рабочие рубашки, которые он предпочитал носить прямо с бельевой веревки, пока их еще не коснулся утюг. Вспомнила она и горячие споры, которым они с Дайаной предавались с большим удовольствием и в которых отец почти всегда выходил победителем! И снова, уже не в первый

раз, удивилась тому, что эта женщина сочла возможным выбрать в мужа двух мужчин, так сильно отличающихся друг от друга.

Спуститься на полуподвальный этаж, во владения Кэти, было все равно что попасть в другой мир. Наверху повсюду задавали тон ковры пастельных расцветок, канделябры и тяжелые бархатные портьеры. Внизу же царил веселый, естественный беспорядок. Покрытые клетчатым линолеумом полы соперничали с живописными ковриками, занавески были раскрашены узорами в виде зигзагов и листиков, все горизонтальные поверхности были уставлены фотографиями, фарфоровыми пепельницами с давно позабытых приморских курортов, разрисованными раковинами и вазами с искусственными цветочками. В камине ярко горел настоящий огонь, а перед камином, свернувшись калачиком в продавленном кресле и не отрывая глаз от мерцающего экрана телевизора, сидел брат Кэролайн, Джоди.

На нем были джинсы, темно-синий свитер с отложным воротником, потрепанные ботинки и, по непонятной причине, старая яхтменская фуражка на несколько размеров больше, чем нужно. Джоди поднял голову, когда Кэролайн вошла, но тут же его взгляд снова прилип к экрану, как будто мальчик не хотел пропус-